

**“КИТАБИ ДЕДЕ КОРКУД” В ПЕРЕВОДАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ШКОЛЫ ПЕРЕВОДА****Л.Д.НАДЖАФОВА***Бакинский Государственный Университет
emil.nacafov@oil found.az*

Живущая в Москве азербайджанская поэтесса и переводчица Алла Ахундова первой выполнила полный перевод всего огузского памятника (1), и мы постараемся сосредоточить своё внимание на выявленных ею художественных и лингвистических особенностях всех двенадцати сказаний. Укажем на отличительные особенности, характеризующие перевод данных небольших стилистических отрывков А.Ахундовой.

Так, гимн любви в этой песне звучит в, так называемом, смешанном поэтико-прозаическом (как в подлиннике) переводе А.Ахундовой, в которой святая быль в назидание потомкам хоть и сознательно опущена, но в то же самое время значительно усилен любовный мотив. Однако, спешим заметить: «смешанный» перевод – это только условная, чисто внешняя форма. Большинство фраз в ритмической обработке А.Ахундовой рифмуются подобно стихам.

Нам представляется, что самыми существенными отличительными особенностями её перевода являются попеременно либо отход от конкретных деталей, которые в народном представлении играли определённую роль, либо, напротив, усиленное внимание к подлиннику. Алла Ахундова, по возможности, старалась придерживаться строя и буквы оригинала. Это можно наблюдать уже с самых первых строк:

«... сказывали, что жил среди огузов некий муж, сын Духа-Коджа, Дели-Домрул, что через реку высохшую – мост выстроил; кто по мосту тому перейдёт, с того Дели Домрул тридцать три сребреника берёт, а кто посуху или вброд, с того 40 сребреников берёт...» [1, 112].

Небезынтересно сличить в данном случае интерпретацию А.Ахундовой с переводом русского поэта В.Л. Величко. Последний вышеприведённые детали считает несущественными, вероятно, вообще не вписывающимися в стихотворный размер. А.Ахундова придерживается противоположной точки зрения, но художественность от этого отнюдь не теряется. Мы не смеем говорить о том, что А.Ахундова донесла до русскоязычного читателя лишь сухой академический стиль изложения. В заслугу современного переводчика как раз и следует поставить её субъективное стремление к точности, не заслонившее собой всего богатства народной фантазии «давно минувших лет». Опытный переводчик, А.Ахундова сумела прочувствовать переходную грань от поэзии к прозе и, конечно же, ярко и образно отразила таковые художественные факты в соответствующем

стилевым отрезке речи. И в данном случае мы становимся свидетелями плавного перехода прозаической речи в рифмованный, то есть ритмически организованный по законам стиха отрывок. Например: «А у Домрула *слепнут-меркнут* глаза зоркие, *цепенеют* руки *цепкие*. Белый свет в глазах *помутился*, чёрным мраком *покрылся*»; «Голова его бедная гнётся, гнётся, клонится, не разогнётся. А на белую грудь как птица, Азраил алокрылый садится... и т.д. и т.п.» [1, 112].

Алла Ахундова в значительно меньшей степени, но всё же допускает в V сказание незначительные отклонения от первоначального текста или передаёт ту или иную мысль в различных вариациях. Но делается это с целью уточнения современного восприятия средневековой стилистики. Следует напомнить, что знаменитому памятнику уже более шестисот лет и совершенно очевидно, что многие азербайджанские слова и выражения стали историзмами и архаизмами. При переводе на русский, естественно, сталкиваешься с идентичным явлением. Не в современном, заметим, но в древнерусском языке подчас обнаружишь более точный и яркий аналог отдельному слову или даже целому выражению. Всё это порождает большие трудности и как следствие того – нормативные отклонения. Собственно говоря, А.Ахундова и не скрывает характер этих возможных отклонений. В предисловии к указанному переводу от её имени читаем: «Следование эмоциональной точности при переводе потребовало употребления некоторых русских слов, ставших в современном русском языке архаизмами. И если пришлось несколько «состарить» в переводе современный русский язык, то именно этой необходимостью продиктовано и объясняется наличие некоторых архаизмов» [1, 16]. В.Л.Величко переводил с подстрочника, то перед Аллой Ахундовой стояла задача более трудоёмкая, что называется, ступенчато-поэтапная. Она признавалась: «Если первоначальный перевод осуществлялся с текста азербайджанского издания Г.Араслы, то окончательный перевод был сделан уже с оригинала, с коррекцией текста по турецкому изданию Муххарема Эргина». Но это не помешало ей, по всеобщему признанию, хорошо справиться с поставленной целью.

Следует также указать на некоторые сугубо языковые детали, использование которых Ахундовой, как нам кажется, в той или иной степени повлияло на точность передачи азербайджанского текста. Прежде всего, отметим: её главной заслугой в данном отношении явилось усиленное внимание к тексту подлинника: за незначительным исключением она не допускала ни существенных добавлений, ни перестановок, что, естественно, привело бы к нарушению всей структуры V песни. Она нередко прибегает к красочным эпитетам, как-то: «белобородые», «чернобородые» джигиты, «алокрылый» и многие другие, что вносит некоторый оттенок экспрессивной оценки. В стилистическом отношении привлекает перевод, так называемых, постоянных эпитетов, как правило, подчёркивающих наиболее стойкий и типический признак того или иного художественного образа. Мы убеждены, что Алла Ахундова сумела полностью сохранить фольклорный дух отдельно рассматриваемой нами песни, но данный факт, к слову, относится не только к анализируемому сказанию, но вообще ко всему эпосу.

Свою посильную лепту в процесс популяризации «Китаби Деде Коркуд» на русском языке вносят также и современные азербайджанские писатели и учёные, работающие в различных областях и жанрах. Так, Анар по мотивам азер-

байджанского эпоса создал на русском языке совершенно необычную повесть «Деде Коркуд» [2], в которой изложил свой собственный и неповторимый взгляд на события, происходившие более тысячи лет тому назад. Примечательно, что Анар никогда не доверяет свои произведения перу других переводчиков и самостоятельно переводит их на русский язык. В данном же случае он создал прекрасную повесть по мотивам эпоса «Китаби Деде Коркуд» на русском языке.

Строго говоря, «Деде Коркуд» в интерпретации нашего выдающегося писателя нельзя даже назвать переводом в буквальном смысле слова. Перед нами оригинальное творение Анара, и мы здесь имеем дело с абсолютно субъективным подходом выдающегося азербайджанского писателя, который представил героический эпос как связный и весьма динамичный рассказ. На протяжении всего повествования он лишь вскользь коснулся текста второй и пятой песен; всё остальное – удачное, новольное обращение с текстом памятника.

«Китаби Деде Коркуд» – это очень широкая и многогранная тема. Поэтому современные учёные, следуя незыблемому научному принципу идти вглубь, но не вширь проблемы, пытаются анализировать наименее исследованные аспекты.

В 1999 году, в преддверии 1300-летия «Китаби Деде Коркуд» Эльчин опубликовал на страницах газеты «Зеркало», написанную на русском языке, статью «Бессмертие Книги Праотца Коркуда» [4]. Вкратце указав на актуальность многих исследований в этой области, продолжающихся и по сегодняшний день, известный прозаик отметил также новые и сложные словоформы, которые состоят из азербайджанской и русской основ, рассказал о задачах проведенного в Баку в 1988 году Международного симпозиума коркудологов. А ближе к теме нашей дипломной работы интересно отметить, что Эльчин зафиксировал своё внимание на сходстве между сюжетом сказа о Дели Домруле и трагедии Еврипида «Электра» [4].

Характерно, что именно с этого времени, благодаря впечатляющим успехам поэта-переводчика В.Кафарова, в Азербайджане оформляется и постепенно набирает силу национальная переводческая школа, получившая заслуженное признание. Вслед за В.Кафаровым переводом образцов азербайджанской литературы на русский язык занимаются С.Мамедзаде, М.Векилов, В.Зайцев, И.Бадалбейли, А.Ахундова и другие. Это знаменовало собой переворот в традиционной практике творческих русско-азербайджанских литературных взаимосвязей. Исследуя переводы «Книги Коркуда» представителями азербайджанской переводческой школы, можно сделать выводы о том, что власть подстрочника в данном случае если и не была окончательно низложена, то, по крайней мере, весьма основательно поколеблена.

Итак, к концу 1980-х – началу 1990-х годов в Азербайджане появилась собственная школа переводчиков на русский язык, взявшаяся за перевод «Книги Коркуда». А.Ахундова и В.Кафаров, долго готовившиеся к переводу «Деде Коркуд», взялись за полный перевод памятника. Однако это удалось только А.Ахундовой, В.Кафаров же сумел переложить его частично.

Поскольку они принадлежат к одному поколению переводчиков и являются творческими единомышленниками в переводческом искусстве, мы решили рассмотреть их работу параллельно. Из наличествующего материала, сравним переводы из «Песни о разграбление дома Салор-Казана».

Отметим, что в отличие от русских переводчиков «Китаби Деде Коркуд», А.Ахундова и В.Кафаров строго выдерживают в своих переводах стандарт оригинала. Стихотворные инкорпорации «Книги» у них, также строго графически выделяются. Немаловажным нюансом является то, что авторы при переводе соблюдают рифму в прозаических частях произведения, т.е. аллитерацию. Хорошо зная традиции, обычаи и нравы тюркоязычных народов, А.Ахундова и В.Кафаров с легкостью замечают мелкие, характерные для него нюансы и с точностью, без какого-либо искажения, передают русскоязычному читателю смысл оригинала. Естественно то, что и у них проявлялись ошибки и неточности в некоторых местах.

Для начала о рифме, которую удалось поддержать переводчикам в переложении песни:

А.Ахундова: *«Говорит гяур: Эй, пастух, с наступлением ночи, покоя не знающий!»*

Снег идет или дождь, из огнива огонь высекающий.

Эй, пастух, сливки, сыр, молоко наживающий.

Мы златоверхие шатры бека, чье имя Казан, изрубили. Табуны коней его быстрых мы оборотили, вереницы верблюдов рудых мы угнали. Мать его постаревшую мы забрали. Золотую казну мы его растащили. Его дочь-девицу, белую лебедицу мы полонили. Сорок стройных дев, а с ними его жену мы захватили» [1, 42].

Данный отрывок четко разнится с переводами В.Бартольда и П.Антокольского. Тонкое воспроизведение стиховых элементов в прозаической структуре, дает огромное преимущество поэтессе перед русскими переводчиками эпоса.

Из вышеприведенного отрывка, можно с уверенностью сказать, что А.Ахундова строго следовала «переводческой заповеди».

Обратимся к переводу В.Кафарова, который, в свою очередь, также блестяще переложил оригинал:

«Один кяфир и говорит:

Ночами заботливо бдящий чобан.

В бураны и ливни огонь разводящий чобан,

В избытке всегда у тебя молоко и сыр с каймаком, работающий чобан.

Эй, Чобан! Подойди. Шатры златоверхие мы растащили, табуны его коней-соколов мы отбили, вереницы его верблюдов златорунных мы захватили, казну-кладовую его меж собой мы разделили, девиц-молодиц, что белей лебедиц, мы полонили, Казанова сына и с ним сорок игидов мы увели, Казанову жену и сорок дев тонкостанных мы увели» [3, 50].

Если приглядеться к оригиналу, можно сделать вывод, что оба автора с четкостью воспроизвели суть оригинала.

Таким образом, отдавая дань уважения работам русских переводчиков «Китаби Деде Коркуда», отметим, что только под пером представителей азербайджанской школы художественного перевода, в первую очередь, Аллы Ахундовой и Владимира Кафарова, этот образец азербайджанского эпоса зазвучал качественно и эффективно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Книга отца нашего Коркуда. Огузский героический эпос. Перевод, вступительная статья и комментарии Аллы Ахундовой. Баку: Язычы, 1989, 220 с.
2. Анар. Деде Коркуд. Повесть. Баку: Гянджлик, 1988, 125 с.
3. Азербайджанский фольклор. Баку: Гянджлик, 1990, 146 с.
4. Эльчин. Бессмертие книги Праотца Коркуда. «Зеркало», Баку, 1999, 20 октября.

«KİTABİ-DƏDƏ QORQUD» AZƏRBAYCAN TƏRCÜMƏ MƏKTƏBİNİN NÜMAYƏNDƏLƏRİNİN TƏRCÜMƏSİNDƏ

L.D.NƏCƏFOVA

XÜLASƏ

«Kitabi-Dədə Qorqud» əsərinin rus dilinə ilk tərcümələri rus tərcümə məktəbinin nümayəndələrindən biri olan V.V.Bartold, V.L.Veliçko və P.Q.Antokolskiyə aiddir. İyirminci əsrin II yarısında bu eposun rus dilinə tərcüməsi Azərbaycan tərcümə məktəbinin nümayəndələri olan Alla Axundovaya (12 boyun hamısını tərcümə etmişdir) və Vladimir Qafarova (bir boyu tərcümə etmişdir) məxsusdur. Onlar dastanın dəqiq formasının və məzmununun rus dilində saxlanmasına nail olmuşlar. Məqalə bu tərcümələrin təhlilinə həsr olunmuşdur.

“KITABI DEDE GORGUD” IN THE TRANSLATIONS OF THE REPRESENTATIVES OF AZERBAIJAN TRANSLATION SCHOOL

L.D.NAJAFOVA

SUMMARY

The first translations of “Kitabi Dede Gorgud” into Russian belong to the representatives of Russian translation school V.V.Bartold, V.L.Velichco and P.G.Antokolckiy. In the second half of the XX century the representatives of Azerbaijan translation school Alla Akhundova (who translated all twelve stories), and Vladimir Kafarov (who interpreted one story) began to translate the epos into Russian and they could exactly create the form of the monument and its content in Russian. The article is devoted to the analysis of these translations.